

Научная статья
УДК 316.422.42
<https://doi.org/10.24158/spp.2021.11.4>

Институционализация социальной работы: отечественные дискурсы трансформаций

Михаил Васильевич Фирсов¹, Маргарита Владимировна Вдовина²,
Анна Андреевна Черникова³

^{1,2}Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

¹mihail_firsov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0665-5852>

²antigon1922@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8617-2940>

³Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия,
aannyu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8125-7566>

Аннотация. Современный институт социальной работы прошел наиболее интенсивную и своеобразную стадию своего становления и развития в XX веке. В нашей стране процесс институционализации складывался по-разному, исходя из тех специфических общественных потребностей, которые были характерны для меняющейся практики и которые был призван удовлетворять новый социальный институт. Особенности функционирования его на протяжении прошлого столетия получали различное осмысление в отечественном дискурсе. Это объяснялось как характеристиками определенного исторического этапа развития конкретного общества, в том числе советского, так и различными теоретическими, идеологическими, политическими, управленческими подходами к реализации задач оказания помощи наиболее социально уязвимым, маргинальным и девиантным социальным группам. Результат институционализации социальной работы оформился к началу нового тысячелетия, заложив перспективные основы решения насущных общественных проблем, связанных с оказанием социальной помощи нуждающимся категориям граждан, для новых поколений.

Ключевые слова: социальная работа, институционализация, трансформации и развитие института, отечественные дискурсы

Для цитирования: Фирсов М.В., Вдовина М.В., Черникова А.А. Институционализация социальной работы: отечественные дискурсы трансформаций // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 11. С. 36–41. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.11.4>.

Original article

Institutionalization of social work: domestic discourses of transformations

Mikhail V. Firsov¹, Margarita V. Vdovina², Anna A. Chernikova³

^{1,2}Russian State Social University, Moscow, Russia

¹mihail_firsov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0665-5852>

²antigon1922@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8617-2940>

³Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, aannyu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8125-7566>

Abstract. The modern institute of social work has passed the most intensive and peculiar stage of its formation and development in the twentieth century. In our country, the process of institutionalization developed in different ways, based on those specific social needs that were characteristic of changing practice and which the new social institution was designed to satisfy. The features of its functioning over the past century have received different interpretations in the domestic discourse. This was explained both by the peculiarities of a certain historical stage of the development of a particular society, including the Soviet one, and by various theoretical, ideological, political, managerial approaches to the implementation of the tasks of helping the most socially vulnerable, marginal and deviant social groups. The result of the institutionalization of social work took shape by the beginning of the new millennium, establishing promising foundations for solving urgent social problems associated with the provision of social assistance to the needy categories of citizens and for new generations.

Keywords: social work, institutionalization, transformations and development of an institute, domestic discourses

For citation: Firsov, M.V., Vdovina, M.V., Chernikova, A.A. (2021) Institutionalization of social work: domestic discourses of transformations. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. (11), 36–41. Available from: [doi:10.24158/spp.2021.11.4](https://doi.org/10.24158/spp.2021.11.4) (In Russian).

Социальная работа как профессиональная деятельность, область познания и направление специального образования в России в XX веке прошла сложный и противоречивый путь развития от идеи к практике, от локальной поддержки пожилых людей и инвалидов к профессиональной помощи различным группам населения.

Как известно, институционализация является процессом, в ходе которого социальные практики фиксируются, делаются довольно систематическими и продолжительными. Упорядочивание их подчеркивает конкретно-исторический характер социальных институтов, их изменчивость и динамику развития. Институционализация представляет собой ответ на возрастающие потребности общества в выполнении определенных социальных функций особой структурой.

Теория и практика социальной работы в России оформлялись на социопатогенной платформе помощи 1.0 в логике цивилизационных процессов родового, а затем реципрокного альтруизма, и в XX веке их трансформация осуществлялась в условиях последовательно сменявших друг друга исторических ситуаций деимпериализации, десоветизации и распространения процессов демократизации, что обеспечило национальное и культурно-историческое своеобразие отечественной модели социальной помощи.

К 1920-м годам социальная работа как практическая деятельность и направление образования в глобальном масштабе охватывала уже 32 страны мира на Западе, Востоке и даже в Африке. В них была организована подготовка социальных работников, но наибольшее количество учебных заведений, выпускавших специалистов по работе с нуждающимися в социальной помощи слоями населения, было в США (53 школы) и Германии (42 школы) (Salomon, 1937).

Однако в Советской России, где шли революционные социальные изменения, данный вид деятельности в системе образования не был представлен. В центре внимания правящих партийных элит советского государства того времени в качестве объекта помощи были не только «пролетарские массы», как в европейских странах, но и беднейшее крестьянство, инвалиды войны, а также «семьи красноармейцев», которые в основной своей массе тоже были представителями крестьянского сословия.

Индивидуальные методы социальной работы тоже не могли быть доминирующими в молодой Советской России, и не только по идеологическим соображениям. Страна столкнулась с массовыми явлениями маргинализации взрослых представителей рабочего класса, крестьянства и детей, оказавшихся без попечения родителей в результате длительных военных действий, сирот. В первые годы существования республики советскому правительству приходилось решать проблемы не только «многоукладной экономики», но и «многоукладной маргинализации», которая через исторические формы социальной патологии среди «пролетарских масс» воспроизводила новые формы общественных болезней. Актуальны были проблемы, связанные с противодействием распространения явления маргинализации населения через «институты профессионального нищенства», с чем уже не сталкивалась Западная Европа, а тем более США.

Система помощи в Советской России получила в «наследство» от предшествующей имперской полицейской модели помощи сотни тысяч «самодеятельных и несамодеятельных» нищих, которые, по переписи 1926 г., официально были зафиксированы в РСФСР, УССР, БССР и в своей совокупности составляли 162 815 человек. Как показали социологические исследования тех лет, 34,4 % всех этих людей входили в группы «нищенства профессионалов» (Герцензон, 1995).

Для сравнения можно отметить, что во время переписи 1897 г., предпринятой еще в Российской империи, было выявлено 362 448 бродяг, странников, богомольцев и других, подобных им, граждан (Мещанинов, 1995: 52). Анализируя эти сведения, можно констатировать «живучесть» данной социальной патологии, несмотря на общее снижение ее масштабов.

Другой массовой социальной болезнью постреволюционной России стала проституция. По данным исследований тех лет, например, только в Москве в 1924 г. официально было выявлено 623 проститутки, причем 60 % из них были «пролетарского происхождения» (Железнов, 1995: 152).

Беспризорность и крайняя нужда толкала малолетних детей и подростков на противоправные действия, что также приводило к распространению социальных патологий. Малолетние преступники из среды «земледельцев» составляли 22,3 % от всей массы несовершеннолетних маргиналов, из среды фабричных рабочих, ремесленников, чернорабочих – 43,9 % (Куфаев, 1925: 29), причем для детей было характерно многократное совершение преступлений различной направленности.

Сказанное свидетельствует о том, что задачи, которые стояли перед отечественными профессионалами, были принципиально отличными от западных: не «обучение» пролетарских масс «умеренному потреблению» и адаптации к средовым социальным условиям через технологии индивидуальной помощи, а противодействие маргинализации и воспроизводству новых слоев профессиональных нищих и иных девиантов в условиях модернизации государственности через различные технологии трудовой помощи.

В этой связи нищенству, проституции, детской преступности как массовым явлениям должны были противостоять методы не индивидуальной, а коллективной помощи, что и было реализовано на протяжении последующих лет.

Как и в западных странах, решение социальных проблем новой России реализовывалось через специально организованные коррекционные институты, социальные программы, законодательную практику. При губернских отделах социального обеспечения были организованы распределительные пункты, в задачи которых входило отделение «нетрудоспособных» от «злонамеренных тунеядцев» – общей массы девиантов, с тем чтобы сформировать социальную группу индивидов, подлежащих специальному исправлению трудом¹. Нетрудоспособные же определялись в определенные социальные институты: дети направлялись в детские дома, женщины с грудными детьми с улиц – в дома матери и ребенка, старики и увечные – в «убежища».

Первые декреты советской власти были направлены на упразднение учреждений общественного призрения, существовавших в Российской империи («Постановление об упразднении благотворительных учреждений и обществ помощи инвалидам и о передачи их дел и денежных сумм Исполнительному комитету увечных воинов»; «Постановление об упразднении Совета детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии, Постоянной комиссии Совета, Хозяйственного комитета, Комитета для сбора пожертвований и Комитета для изыскания средств на устройство слабых здоровьем детей» и др.)². По сути дела, их финансовые и материальные активы перешли в руки новой власти, которая исходила из собственных политических и экономических интересов и решала свои социально-политические задачи.

Политика перепрофилирования учреждений под социальные нужды новой власти вылилась в то, что борьба с маргинальными слоями населения велась в новых институциональных формах, таких как «трудовые коммуны для профессиональных нищих», «специальные лечебно-воспитательные учреждения для проституток», «трудовые коммуны для здоровых проституток», «где они должны были не только трудиться, а в отдельных случаях лечиться, но и самое главное – перевоспитываться»³.

Модернизация государственного строя потребовала изменить политику и направленность стратегий социальной помощи и поддержки. Можно сказать, что в данный период технологии социального обеспечения населения имели классовую направленность, а сама система социального обеспечения была ориентирована на решение политических задач укрепления нового строя.

Следовательно, западные модели социальной работы не могли стать «инструментом» помощи в Советской России не только по идеологическим соображениям, но и из-за специфики социально-исторических условий массового обездоленного большинства, а также тех задач по реформированию общества, которые перед собой ставило руководство страны. Однако было бы некорректно, с нашей точки зрения, говорить, что мировой опыт практики социальной работы не был востребован и «инкорпорирован» в систему социального обеспечения Советской России, которая оставалась ведущей моделью помощи населению вплоть до 90-х годов XX столетия.

Отдельные частные элементы западной практики социальной работы можно наблюдать в деятельности инспекторов труда, которые не только защищали интересы работающих на производстве, но и «имели право свободного доступа ... к отдыху и жилью трудящихся и их семей». В таких подходах прослеживаются «общемировые тренды» работы с населением через технологии диагностики случая и профилактической работы, направленные на противодействие маргинализации трудящихся (Белошапкина, 1918: 37). Это то, чем занимались социальные работники, например, в Британии (Salomon, 1937) и в США (Richmond, 1917), что было характерно для деятельности европейских и американских «инспекторов здоровья». Более того, можно сказать, что работа инспекторов в Советской России строилась на основе идеологии и технологий социальной гигиены, широко распространенных в мировом сообществе в рассматриваемый исторический период, а не только в Западной Европе (Hollis, 1981: 12).

Шефство как форма помощи и общественного контроля в дальнейшем трансформировалось в «общественную работу», которая станет неотъемлемой частью социальной жизни советского человека в последующие десятилетия (Бланкфельд, 1933; Дьяков, 1926; Казанский, 1927; Соскин, 1958).

Можно утверждать, что в рамках социального обеспечения отдельные технологии социальной работы на уровне конкретного случая и коллективной (средовой) работы существовали имплицитно, без номинативного обозначения предметной сущности деятельности.

¹ Собрание узаконений и распоряжений по Народному комиссариату социального обеспечения. М., 1918. 91 с.

² Там же.

³ Сборник декретов, постановлений, циркуляров и распоряжений по социальному обеспечению. М., 1921. 44 с.

В послевоенные и последующие годы в Советском Союзе постепенно сформировалась отлаженная государственная система социального обеспечения (прежде всего, в виде выплат пенсий по старости, инвалидности, утрате кормильца или за выслугу лет, назначения пособий по нетрудоспособности и др.). Она охватила широкие слои населения старшего поколения, инвалидов (нетрудоспособных вследствие полученных на войне ранений или на фоне общего или профессионального заболевания, трудового увечья; детей-инвалидов и инвалидов с детства). Социальное обеспечение граждан выражалось не только в выплате пенсий и пособий, но также и в форме проживания на полном государственном обеспечении в учреждениях для пожилых людей и инвалидов, детей-сирот и детей-инвалидов¹.

Негосударственные формы благотворительной и церковной помощи в советском государстве, в отличие от дореволюционной России, не практиковались (Инков, 2006: 193–195).

Обращение к теории и практике социальной работы на новом этапе было реализовано в СССР лишь в середине 1980-х годов, что было обусловлено кризисными явлениями в системе социального обеспечения населения, прежде всего таких категорий граждан, как пожилые люди и инвалиды.

Необходимость введения в устоявшуюся практику социального обеспечения специальных акторов в виде работников, предоставляющих помощь гражданам на дому, была порождена рядом оснований, среди которых основными выступали увеличение доли нетрудоспособного населения и инвалидов, уменьшение темпов строительства специальных учреждений для пенсионеров, изношенность социальных фондов, не позволяющих нуждающимся престарелым гражданам жить в социальных учреждениях, практика «очередности» помещения пожилых людей и инвалидов в специализированные учреждения.

В середине 80-х годов XX века были приняты два значительных правительственных документа. Один из них был сосредоточен на улучшении материального положения пенсионеров и инвалидов и предоставлении им институциональной помощи², а другой – нацелен на реализацию мер оперативного характера в решении накопившихся проблем пожилых людей и инвалидов.

В 1985 г. по предложению Совета министров Эстонской ССР было решено для поддержки одиноких нетрудоспособных граждан в порядке эксперимента сформировать отделения социальной помощи на дому. Обеспечить поддержку этим людям должны были социальные работники, институт которых тоже вводился в СССР. Предполагалось, что эксперимент будет реализован в двух – трех территориальных единицах страны, однако данная практика была распространена исключительно в РСФСР³.

Оформившиеся социально-экономические негативные тенденции вызвали необходимость принятия экстраординарных мер в сфере социального обеспечения населения. В этих условиях был осуществлен переход к политике перераспределения услуг и полномочий. Необходимые услуги были «приближены» собственно к потребителю; социальная помощь, осуществляемая на дому, позволяла задействовать фонды потребителя, а не государства.

Политика перераспределения управленческих полномочий осуществлялась за счет дополнительной нагрузки на дома-интернаты, в которых должны были быть открыты отделения социальной помощи. По решению исполкомов Совета народных депутатов, аналогичные структуры могли создаваться «на предприятиях жилищно-коммунального хозяйства» и в других организациях.

Однако вследствие отсутствия четкости в проведении политики данный вид помощи развивался медленно, поэтому, как отмечено в официальных источниках, к 1989 г. было открыто всего 32 территориальных центра, с 3 тыс. отделениями социальной помощи, где на обслуживание было принято 292 тыс. граждан, что составляло только 60 % от всех нуждающихся в помощи⁴. Пожилые обладали множественными заболеваниями, часто являлись инвалидами; так, среди респондентов, принявших участие в исследовании ЦИЭТИН, граждане, имеющие II группу инвалидности, составили 88,6 % (Дементьева и др., 1994).

¹ Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России : учебное пособие. М., 2001. 344 с.

² Постановление Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР и Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов «О первоочередных мерах по улучшению материального благосостояния малообеспеченных пенсионеров и семей, усилению заботы об одиноких престарелых гражданах» от 14 мая 1985 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765707608> (дата обращения: 23.10.2021).

³ Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 3 февраля 1986 г. № 28/3-43 «О проведении эксперимента по организации отделений социальной помощи на дому одиноким нетрудоспособным гражданам» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23352#97KHTpSTUoXsjMc> (дата обращения: 23.10.2021).

⁴ Сборник статистических материалов 1990. М., 1991. 352 с.

Следовательно, «содействие в организации медицинской помощи» было очень востребованным направлением удовлетворения потребностей получателей социальных услуг, что позволяет судить о выработывании главным образом социально-медицинских дискурсов социальной помощи, однако требовало определенности в алгоритмах реализации.

Говоря о технологиях помощи, сложившихся за десятилетия советской практики, можно заметить, что «институт шефства» понемногу становился менее актуальным для пожилых и инвалидов – как вид поддержки он считался значимым только для 17 % респондентов (Дементьева и др., 1994).

Решение о создании отделений социальной помощи привело к необходимости привлечения кадров в эти структуры. И здесь были выбраны две стратегии. Первая была детерминирована социально-медицинской помощью, которую по месту жительства пожилым и инвалидам должны были оказывать сестры милосердия системы Красного Креста и Красного Полумесяца; к этой деятельности были привлечены 6 тыс. человек (Дементьева и др., 1994).

Вторая стратегия была связана с наймом различных категорий граждан. В «ряды» социальных работников могли быть привлечены: рабочие, служащие, в том числе по совместительству, пенсионеры, женщины, занятые в домашнем хозяйстве, студенты вузов, учащиеся средних специальных заведений (достигшие 18 лет), прошедшие соответствующий инструктаж¹.

К 1991 г. 48 тыс. социальных работников в 4648 отделениях социальной помощи предоставляли помощь 426 тыс. пожилым и инвалидам (Дементьева и др., 1994). Такие действия в определенной мере сняли напряжение, но не ликвидировали кризисные явления в социальной сфере.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что институционализация социальной работы в предыдущее столетие сопровождалась формированием различных статусно-ролевых социальных групп из числа традиционных и новых объектов помощи и ее субъектов, типизации их ролевого функционирования, формирования и развития соответствующих профессиональных ценностей и норм (формальных и неформальных), учреждений для осуществления социальной помощи. Отечественные и зарубежные дискурсы институциональных трансформаций варьировались в зависимости от специфики конкретного общества, исторического этапа и соответствующих путей и задач его развития, тех основных социальных потребностей, которые был призван удовлетворять институт социальной работы на конкретном историческом этапе. Сложившийся к исходу XX века новый социальный институт позволил решить ряд насущных общественных проблем и заложил основы для развития современной социальной помощи нуждающимся людям.

Список источников:

- Белашапкина Д. Попечительство о трудовой помощи в 1916 г. Хроника. Трудовая помощь. 1918. № 6. С. 37–52.
Бланкфельд Р.И. Общественная работа в ФЗС. Свердловск; М., 1933. 38 с.
Герцензон А. Нищенство и борьба с ним в условиях переходного периода // Антология социальной работы : в 5 т. М., 1995. Т. 2. Феноменология социальной патологии. С. 68–90.
Дементьева Н., Шаталова Е., Соболев А. Организационно-методические аспекты деятельности социального работника // Антология социальной работы : 5 т. М., 1994. Т. 1. История социальной помощи С. 252–255.
Дьяков Я.Б. Шефство над деревней и комсомол. М.; Л., 1926. 60 с.
Железнов Л. С улицы на производство // Антология социальной работы: в 5 т. М., 1995. Т. 2. Феноменология социальной патологии. С. 152–155.
Инков А.А. К особенностям формирования государственного социального обеспечения в России после 1917 года // История социальной политики и социальной работы: состояние и проблемы научной разработки и преподавания в вузе : материалы межвузовской научной конференции. М., 2006. С. 191–195.
Казанский А.М. Общественная работа деревенской школы. М., 1927. 56 с.
Куфаев В.И. Юные правонарушители. М., 1925. 356 с.
Мещанинов И. О нищенстве в России и способах борьбы с этим явлением // Антология социальной работы : в 5 т. М., 1995. Т. 2. Феноменология социальной патологии. С. 52–68.
Соскин В.Л. Коммунисты Сибири – зачинатели шефства города над деревней. Новосибирск, 1958. 51 с.
Hollis F. Casework, a Psychosocial Therapy. N. Y., 1981. 534 p.
Richmond E.M. Social Diagnosis. N. Y., 1917. 520 p.
Salomon A. Education for Social Work: A Sociological Interpretation Based on an International Survey. Leipzig, 1937. 265 p.

References:

- Beloshapkina, D. (1918) *Popochitel'stvo o trudovoi pomoshchi v 1916 g.* [Guardianship of Labor Assistance in 1916]. *Khronika. Trudovaya pomoshch'*. (6), 37–52 (in Russian).
Blankfel'd, R. I. (1933) *Obshchestvennaya rabota v FZS* [Public Work in the FZS]. Sverdlovsk; Moscow. 38 p. (in Russian).

¹ Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 3 февраля 1986 г. № 28/3-43 «О проведении эксперимента по организации отделений социальной помощи на дому одиноким нетрудоспособным гражданам» ...

- Gertsenzon, A. (1995) Nishchenstvo i bor'ba s nim v usloviyakh perekhodnogo perioda [Begging and Fight Against it in a Transitional Period]. In: *Antologiya sotsial'noi raboty* : v 5 t. T. 2. Fenomenologiya sotsial'noi patologii. Moscow, pp. 68–90 (in Russian).
- Dement'eva, N., Shatalova, E. & Sobol' A. (1994) Organizatsionno-metodicheskie aspekty deyatelnosti sotsial'nogo rabotnika [Organizational and Methodological Aspects of the Social Worker's Activity]. In: *Antologiya sotsial'noi raboty* : v 5 t. T. 1. Istoriya sotsial'noi pomoshchi. Moscow, pp. 252–255 (in Russian).
- D'yakov, Ya. B. (1926) *Shefstvo nad derevnei i komsomol* [Patronage of the Village and Komsomol]. Moscow ; Leningrad. 60 p. (in Russian).
- Zheleznov, L. (1995) S ulitsy na proizvodstvo [From the Street to Production]. In: *Antologiya sotsial'noi raboty*: v 5 t. T. 2. Fenomenologiya sotsial'noi patologii. Moscow, pp. 152–155 (in Russian).
- Inkov, A. A. (2006) K osobennostyam formirovaniya gosudarstvennogo sotsial'nogo obespecheniya v Rossii posle 1917 goda [On the Peculiarities of the Formation of State Social Security in Russia after 1917]. In: Istoriya sotsial'noi politiki i sotsial'noi raboty: sostoyanie i problemy nauchnoi razrabotki i prepodavaniya v vuze : materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii. Moscow, pp. 191–195 (in Russian).
- Kazanskii, A. M. (1927) *Obshchestvennaya rabota derevenskoi shkoly* [Community Work of the Village School]. Moscow. 56 p. (in Russian).
- Kufaev, V. I. (1925) *Yunye pravonarushiteli* [Young Offenders]. Moscow. 356 p. (in Russian).
- Meshchaninov, I. (1995) O nishchenstve v Rossii i sposobakh bor'by s etim yavleniem [About Poverty in Russia and Ways to Combat This Phenomenon]. In: *Antologiya sotsial'noi raboty* : v 5 t. T. 2. Fenomenologiya sotsial'noi patologii. Moscow, pp. 52–68 (in Russian).
- Soskin, V. L. (1958) *Kommunisty Sibiri – zachinateli shefstva goroda nad derevnei* [Communists of Siberia – the Initiators of Patronage of the City Over the Village]. Novosibirsk. 51 p. (in Russian).
- Hollis, F. (1981) *Casework, a Psychosocial Therapy*. New York. 534 p.
- Richmond, E. M. (1917) *Social Diagnosis*. New York. 520 p.
- Salomon, A. (1937) *Education for Social Work: A Sociological Interpretation Based on an International Survey*. Leipzig. 265 p.

Информация об авторах

М.В. Фирсов – доктор исторических наук, профессор, заместитель декана факультета психологии по научной работе Российского государственного социального университета, Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=462061.

М.В. Вдовина – доктор социологических наук, профессор факультета социологии Российского государственного социального университета, Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=286670.

А.А. Черникова – младший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=911388.

Information about the authors

M.V. Firsov – D.Phil. in History, Professor, Deputy Dean of the Faculty of Psychology for Scientific Work, Russian State Social University, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=462061.

M.V. Vdovina – D.Phil. in Social Science, Professor, Faculty of Sociology, Russian State Social University, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=286670.

A.A. Chernikova – Junior Research Fellow, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=911388.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.11.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.11.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.11.2021.